

Особенности идеологии и поэтики рассказа о присоединении Пскова к Москве в Псковской III летописи

Рассказ о присоединении Пскова к Москве, включенный в Псковскую III летопись, является очень важным источником для изучения идеологической борьбы XVI в. Хотя данный текст отражает точку зрения псковича на события 1509—1510 гг., идеологически он значительно отличается от другого псковского произведения, посвященного той же теме, — «Повести о Псковском взятии» в Псковской I летописи.

На наш взгляд, данный рассказ необходимо рассматривать не только в сопоставлении с другими произведениями о присоединении Пскова к Москве, но и в контексте всей III летописи, с учетом достаточно четкой политической позиции ее составителя.

Псковская III летопись — свод 1567 г., представленный Строевским и Архивским 2-м списками [см.: Насонов 2000: 6—7, Насонов 2003: 9—44]. Заметим, что еще А. А. Шахматов обратил внимание на то, что в Строевском списке после 1481 г. исчезают специфические графические и диалектные особенности, фиксируемые в данной рукописи до этого года включительно [см.: Шахматов 1909: 114]. По сути, на основании указанных данных, а также содержательных расхождений между списками после 1481 г. Шахматов высказал предположение о том, что существовал некий свод 1481 г., являющийся общим протографом Псковской I и Псковской III летописей. Однако Шахматов еще не выделял Псковской III летописи, Строевский список он относил к Псковской I летописи.

Впервые Псковскую III летопись выделил А. Н. Насонов, который считал, что Строевский список является оригиналом свода 1567 г. Он также обратил внимание на то, что и после 1510 г. в Строевском, Погодинском и Оболенском списках есть общие места, и предположил, что общим источником сводов 1547 г. и 1567 г.

является некая летописная компиляция, доведенная до 1547 г. [см.: Насонов 2003: 17].

Насонов связывал составление свода 1567 г. с именем игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия [см.: Насонов 2003: 9—44]. Эта гипотеза оказалась очень перспективной в плане изучения идеологической борьбы XVI в. и была поддержана Н. Н. Масленниковой [см.: Масленникова 1951: 187—217]. Как отмечала исследовательница, в своде 1567 г. нашла отражение «оппозиционная по отношению к Москве идеология псковского боярства» [Масленникова 1951: 204]. Вслед за Насоновым Масленникова акцентирует внимание на враждебности автора (или редактора) к великим князьям и специфике его редакторской работы: «Он не только сильно искажает, — он фальсифицирует историю. В его летописи не отмечается все возрастающая зависимость Пскова от Москвы» [Масленникова 1951: 211].

Действительно, составитель свода 1567 г. больше, чем создатель свода 1467 г., уделяет внимания описанию конфликтов псковичей с присланными великим московским князем наместниками. Например, в летописной статье за 1461 г. в Псковской III летописи отмечается, что князь Владимир Андреевич приехал «<...> не по псковскому прошению ни по старинѣ» [ПСРЛ. Т. 5: 149] (в Псковской I летописи это уточнение отсутствует). Дальнейшее развитие конфликта описывается в летописях различным образом. Если в Псковской I летописи псковичи, оскорбившие Владимира Андреевича, характеризуются негативными эпитетами «невѣгласы» и «злые люди», то в Псковской III летописи отрицательная оценка дается самому наместнику: «<...> приеха не по псковской старины, псковичи не зван, а на народ не благъ» [ПСРЛ. Т. 5: 150].

В Псковской III летописи, в отличие от Псковской I летописи, не выражено позитивного отношения к великим московским князьям. Например, в Псковской I летописи дана положительная посмертная оценка Василию III, а сообщение о смерти этого великого московского князя в Псковской III летописи является кратким и безоценочным. Отметим также, что составитель свода

1567 г. негативно оценивает развод Василия III с Соломонией и венчание Ивана IV с Анастасией Романовной.

Рассказ Псковской III летописи о присоединении Пскова к Москве отличается резко негативным отношением автора к действиям Василия III. Великому московскому князю предъявляются серьезные обвинения:

<...> и обычай псковской переменяль, и стариноу пороушилъ, забывъ отца его и дедовъ его слова и жалованья до пскович и кресного целованиа, да вставиль свои обычеи и послины новья оуставиль [ПСРЛ. Т. 5: 225].

События 1510 г. представляются в Псковской III летописи как переломные в истории Пскова. В данном тексте создается негативный образ Василия III: великий московский князь изображен как политический и религиозный преступник.

С одной стороны, акцентируется внимание на том, что князь неправомерно нарушил договоренности между Москвой и Псковом. В этом случае очень важно понятие «старинины», которое в сознании древнерусских людей имело положительную оценку, а все, что противоречило жизни «не по старине», воспринималось негативно. При анализе свода 1567 г. мы обнаружили, что действия наместников великого князя, характеризующиеся как противоречащие «старине», вызывали резкую и негативную реакцию псковичей. Составитель свода неоднократно описывал изгнание таких князей, сопровождая описания этих событий отрицательной оценкой: «<...> а все то оучяль дѣяти новину, а стариноу покиноувъ <...> но стало по грѣхом и по дьяволу навоженью» [ПСРЛ. Т. 5: 131], «<...> а онъ приеха не по псковской старини, псковичи не зван, а на народ не благъ, и изо Пскова с бесчестием поеха» [ПСРЛ. Т. 5: 150].

С другой стороны, в рассказе Псковской III летописи подчеркивается, что, нарушив договор, великий московский князь преступил и крестоцелование, что считалось серьезным грехом.

Большое значение для выражения позиции составителя свода 1567 г. имеет библейская цитата:

Зане же написано Пакалиспеи глава 54: пять бо цареи миноуло, а шестыи естъ, но не оу бе пришель; шестое бо царство именуует в Роуси Скивскаго острова; си бо именуует шестыи, и седьмы по томъ еще, а осмыи антихристь [ПСРЛ. Т. 5: 225].

Эта фраза отсылает к «Откровению Иоанна Богослова» (17:10—17:11):

<...> седмь главъ се(д)мь родѡвъ е(сть), иде(же) жена сѣдить на ни(х), и седмь ц(а)ріе е(сть): пать и(х) пало е(сть), единъ е(сть), друггыи не оуже е(сть) пришель, егда придетъ, мало емоу е(сть) пребыти. И зверь, иже бѣ и нѣ(сть), ть осмыи е(сть) и в пагоубоу идетъ» (адаптация орфографии и постановка знаков препинания моя. — Н. Д.) [Геннадиевская Библия. Т. 8: 484].

Несмотря на то что автор рассказа о Псковском взятии с максимальной точностью атрибутирует цитату авторитетному библейскому источнику — «Апокалипсису» (вплоть до указания на номер главы), очевидно, что цитата не является точной. В «Откровении Иоанна Богослова» всего 22 главы, следовательно, оно могло и не быть непосредственным текстом-донором. На самом деле книжник отсылает к «Толковому Апокалипсису Андрея Кесарийского» [см.: НИОР РГБ: Ф. 304.1 (Троице-Сергиевой лавры). Апокалипсис толковый Андрея кесарийскаго с прибавлениями. XV век. № 122: 78—79], в котором именно в главе 54 трактуется цитируемая фраза. По нашему мнению, толкование Андрея Кесарийского актуализирует трактовку мировой истории как смены царств и в тоже время как смены веков, завершающейся Вторым пришествием Христа. Отметим, что после не наступившего в 1492 г. конца света эсхатологическая проблематика оставалась актуальной, православных очень интересовал новый расчет даты конца света.

Кроме того, летописец вносит в текст цитаты свои изменения: «<...> шестое бо царство именуует в Роуси Скивскаго острова» [ПСРЛ. Т. 5: 225]. Данный фрагмент представляется нам не совсем ясным, однако очевидно, что так автор текста вписывает Русь в эсхатологическую модель, в которой изначально по понятным

причинам ей не отводилось никакого места. Книжник и его современники жили, по его представлениям, во времена, непосредственно предвещающие пришествие Антихриста.

Следует отметить, что данная цитата приводится после описания жестоких действий Василия III (отнял отчину у псковичей, выслал из Пскова 300 человек, что вызвало «<...> въ Пскове плач и скорбь <...> разлучения ради» [ПСРЛ. Т. 5: 225]) и указания на то, что «<...> все то за наше сгрѣшение так богъ велѣл быти» [ПСРЛ. Т. 5: 225]. Таким образом, благодаря отсылке к «Откровению Иоанна Богослова» и его трактовке Андреем Кесарийским великий московский князь позиционируется как предшественник Антихриста, что усиливает негативную характеристику Василию III и отрицательную оценку его похода на Псков.

Интересно, что ту же цитату в модифицированном виде создатель Псковской III летописи приводит в летописной статье за 1547 г. Здесь он демонстрирует свое негативное отношение к другому великому князю — Ивану IV в связи с его женитьбой на Анастасии Романовне:

<...> и быша вѣнчаны царскими оутварми, и восхотѣ царство оустроити на Москве; и яко же написано в Пакалипсеи, глава 54: пять бо царевъ минуоуло, а шестои естъ, но не оубо бе пришло, но се абие оуже настало и приде [ПСРЛ. Т. 5: 231].

Очевидно, что летописец недоволен не самим фактом женитьбы Ивана Грозного, а осуществленной им централизацией власти: Иван IV незадолго до этого венчался на царство. Так составитель свода 1567 г. продолжает свою критику централизационной политики московских князей, включая их в эсхатологическую картину мира и опосредованно соотнося их с Антихристом.

В рассказе Псковской III летописи о присоединении Пскова к Москве сразу после указанной цитаты из «Толкового Апокалипсиса Андрея Кесарийского» приводится еще одна. Составитель свода 1567 г. ссылается на слова Христа, приведенные в Евангелии от Матфея (Мф. 24:20—21): «Се бо христос въ святом Еуангелии

глагола: да не боудет бежесто ваше зиме ни в соуботу» [ПСРЛ. Т. 5: 225—226]. Здесь книжник точно указывает источник цитаты, апеллируя к авторитету самого Христа и Евангелия. Следует отметить, что для цитирования выбирается фраза, связанная с эсхатологическим контекстом: «Молите же сѧ, да не боудеть бѣжѣство ваше зимѣ, ни в соуботу, боудет бѣ тогда скръбѣ велѧ, яко такова же нѣ(сть) была ѱ(т) начала мироу, доселѣ ни же имать быти» [Геннадиевская Библия. Т. 7: 92]. События 1510 г. соотносятся с тем, что, согласно Евангелию, будет происходить перед концом света. Автор текста подчеркивает то, что эти времена уже наступили, фразой «<...> се оубо приде на ны зима» [ПСРЛ. Т. 5: 226]. Как справедливо отметил Н. С. Борисов, он выбирает для цитирования именно этот фрагмент из Евангелия от Матфея еще и потому, что Псковское взятие произошло зимой [см.: Борисов 2004: 18]. Таким образом, в контексте рассказа о присоединении Пскова к Москве в Псковской III летописи евангельская фраза может трактоваться одновременно и метафорически (в эсхатологическом ключе), и политически.

Созданный эффект подкрепляется фразой «Семоу оубо царствоу рашширятся и злодействию оумножиться» [ПСРЛ. Т. 5: 226], которая, по наблюдению Масленниковой [см.: Масленникова 1951: 212], является пародией на слова из Хронографа 1512 г. о том, что Русская земля будет расти и расширяться до конца века: «<...> наша же Росиская земля <...> растеть и младѣть и возвышается, ейже, Христе милостивый, дажь расти и младѣти и рашширятся и до скончаниа вѣка» [ПСРЛ. Т. 22: 439-440].

Описав трагические для Пскова события и соотнеся их с помощью цитат из «Толкового Апокалипсиса Андрея Кесарийского» и Евангелия от Матфея с событиями перед концом света, автор завершает рассказ о Псковском взятии молитвой: «Ох, оувы, да нас Исус христос богъ нашъ избавить от всего зла и вѣчнаго мучениа и сподобит нас вечных благ, молитвами свята богородица и всѣх святых, аминь» [ПСРЛ. Т. 5: 226]. Такая концовка сближает рассказ с «Новгородской повестью о походе Ивана III Васильевича на Новгород», в которой так же сильны

Наталья Демичева (Москва)

ПСРЛ. Т. 22 — Полное собрание русских летописей.
М., 2005. Т. 22: Русский хронограф.

Шахматов 1909 — *Шахматов А. А.* Несколько заметок об
языке псковских памятников XIV—XV вв. // Журнал Министер-
ства народного просвещения. 1909. Ч. 22. № 7. С. 105—177.